

18+

Александр Семенов

Ох, уж эти женщины

Александр Арсентьевич Семенов

Ох, уж эти женщины...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64025471

SelfPub; 2021

Аннотация

Женская логика часто бывает непредсказуема и неуправляема. Порой она заводит в такой лабиринт, из которого очень трудно выбраться без потерь... А стоило ли оно того?.. Любовный треугольник.

Александр Семенов

Ох, уж эти женщины...

Лжесвидетельница

Глава 1

– Антон Николаевич! – после длительного молчания заговорил забежавший на огонек сосед и, сделав многозначительную паузу, склонившись над столом к хозяйну дома. – Мне вот никак не дает покоя один вопрос? – Гость снова замолчал, как бы выжидая реакцию собеседника.

– Так что за вопрос, Михалыч? Спрашивай. Не тяни. – отозвался Шаверин и пристально, прищулив свои подслеповатые глаза, посмотрел на соседа.

– Не знаю, удобно ли? Вопрос уж больно деликатный...

– Вот те раз! С каких это пор ты начал разговаривать со мной, как кисейная барышня? Вроде бы, мы всегда напрямик друг другу свои мысли выкладывали, – сказал хозяин вслух, а про себя подумал: "Что-то темнит старый лис. Не иначе давнюю межевую тяжбу из-за десяти сантиметров, якобы прихваченной мной при установке забора полоски земли, решил из дряхлого своего шкафа вытащить."

– Да я о твоих взаимоотношениях со старым другом Пашкой Соколовым, а вернее с его женой Маргаритой.

– Никаких взаимоотношений у меня с Маргаритой нет. Да

и с Пашкой я изредка общаюсь по телефону.

– Вот-вот. Я неоднократно слышал, как ты, заканчивая разговор с ним, всегда говоришь ему: "Передавай привет Маргарите."

– И что из этого следует? – Шаверин никак не мог понять к чему клонит Дмитрий Михайлович, его односельчанин, приехавший в поселок вскоре после освобождения Антона. Они никогда раньше не обсуждали свои взаимоотношения с друзьями и родственниками, хотя жили по соседству более двух десятков лет. В одно время получили участки под строительство, вместе строили дома, когда им было ещё лет по сорок отроду, а тут вдруг на тебе. Взаимоотношения мои с женой моего друга заинтересовали. – Что тебя так волнует в моих взаимоотношениях с Маргаритой? Я просто из вежливости передаю ей приветы.

– Антон Николаевич, неужели ты все забыл и все простил ей?

– А что я ей должен простить? – искренне удивившись спросил Шаверин соседа.

– Так она же, я самолично это слышал, лжесвидетельствовала против тебя в суде! А может причудилось мне?

Так вот в какие дебри залез уважаемый Дмитрий Михайлович. Надо же сколько лет терзается этим вопросом. А он, Антон Шаверин, давно забыл об этом. А если и вспоминал, то беззлобно, да и какое зло могло быть теперь. Может когда-то и было, так давно уже выветрилось. Унесли его ветры

времени в небытие.

– Михайлыч, я не думаю, что нам надо обсуждать это. Ну по недомыслию, по глупости пыталась она меня оговорить. Так ведь судья остановил её: "Это не относится к существу дела."

– Судья-то сказал, но и приговор тебе всыпал по максимуму. Может быть выступление Маргаритки и повлияло на решение?

– Я так не думаю. И не стоит старое ворошить. Дело-то в сосунковом возрасте было, а теперь вон седина накрыла. Если честно, то и не вспоминал я об этом. Других забот хватало.

– Ну не стоит, так не стоит. Просто у меня это никак в голове не укладывается. Вот и решил спросить. Засиделся я у тебя. Пойду. Внуки скоро из школы примчатся, – с этими словами сосед поднялся из-за стола, обошел его и вытолкнул свое грузное тело через проем в ограждении оплетенной диким виноградом беседки.

А Шаверин достал из пачки сигарету и закурил, провожая задумчивым взглядом уходящего соседа, тем временем его мысли невольно вернулись к юности.

Антошка с Пашкой дружили, можно сказать, с пеленок. И не только они, но и братья и сестры их, были не разлей

вода. Семья Соколовых также, как и семья Шавериных была многодетной, а дети – погодками. Вот и росли они в одном измерении, и все проказы у них были одинаковыми. Но проказничали в меру, чтобы односельчане родителям не жаловались, а отцы не прибегали к ременно-воспитательным мерам. Работать все были приучены с детства.

В жаркие летние дни Антоха с Пашкой и другими пацанами с криками: "Кубарби, наюбарби, купаберби купаться!" – неслись к речке, слету бросались в её холодную воду и ныряли до посинения. Пока все барахтались в воде, какой-нибудь умник на берегу завязывал штанины их порток крепкими узлами. Если портки были сухими, то узлы, хоть и с трудом, но развязать было можно, а вот с мокрыми узлами справиться не всегда удавалось. Особо не поддающиеся узлы развязывали всем кагалом по очереди и пытались вычислить этого подлюку, завязавшего штанины, и начистить ему морду. До мордобития не доходило, так как вроде бы все вместе плескались в заводи, значит кто-то чужой проходил мимо и навязал узлов.

С последним развязанным узлом, все неприятности забывались и начиналась "чехарда". Во время игры быстро согревались и прыгали снова в воду, оставив на берегу постового.

А какие ужасы они наводили друг на друга, когда уходили с ночевой на рыбалку, и по очереди рассказывали про ведьмаков, леших и всякую болотную тварь. Ни о каком сне даже и думать было нечего. Зато на утренней зорьке, когда начи-

нался у рыбы клев, все они, сидя на берегу с удочками, клевали носами.

– Пашка! Тяни! У тебя поплавок под воду ушел!

Пашка выходил из сонного оцепенения и, не глядя на воду, рвал вверх удилице. Сверкающая на солнце красноперка зависала над водой, выделявала какой-то кульбит и срывалась с крючка.

– Аккуратней надо было тянуть.

– А чего ты орал, как блаженный.

– Клевало, вот и орал. Погляди, крючок-то целый?

Потерять крючок на рыбалке было трагедией. В деревенском магазине они не продавались. Купить, а вернее выменять, их можно было на тряпье или мослы у старьевщиков, которые изредка заезжали на двух-трех повозках.

Время шло. И друзья из штанишек с помочами выросли до подглядывания из-за заборов и углов изб за женихающимися старшими братьями и сестрами, а если, невзначай, выдавали себя хихиканием, то получали дома затрецину по затылку.

– Впредь подглядывать не будешь! – назидательно говорил старший брат, отвесивший подзатыльник.

– Скорей бы ты в армию ушел. Тогда мы с Санькой старшими будем – бубнил в ответ наказанный, потирая ладонью

затылок.

– Время придет, уйду. А ты не подглядывай за нами с Наташкой. Усек!?

– А сам, когда был маленький, за Генкой подглядывал.

– Поговори мне. Видно ещё хочешь подзатыльник схлопотать?

– Не буду больше подглядывать. Не больно-то интересно, как вы там за избушкой обнимаетесь.

Ох и медленно тянулось в ту пору время. Не то, что теперь: неделя пролетает, как один день, а год – как месяц. Стараешься остановить его, но время неутомимо тащит из пожилого возраста в старость. А тогда хотелось взять в руки кнут и гнать, и гнать дни вперед к своему повзрослению.

И вот настал тот момент, когда мы с Пашкой закончили семилетку. Пашка пошел учиться на тракториста, а Антошка остался в поселке, устроился на лесопункте помогать тем, кому делать нечего. Был на посылках у начальника: сбегай туда, позови того, узнай привезла ли орсовская машина товар в магазин. Одним словом, веселуха – скачи целый день, как будто тебе шило в одно место вставили.

Пропрыгав так лето, Антон пришел к выводу, что надо к чему-то более серьезному прибавиться. А куда и к чему? Рабочих рук в лесопункте хватало. Разве что, в колхоз идти – хвосты быкам крутить?

Но тут прослышал он, что их школа из семилетней стала восьмилетней.

"Учиться, что ли пойти," – рассуждал сам с собой Антошка, потягивая самокрутку за амбаром, который стоял в поле недалеко от их дома. – "Хотя за мои побегушки какие-никакие деньги платят." – Пусть и отдает он всю получку матери с отцом, но пятак на кино не выпрашивает, заначку трехрублевую себе оставляет. – "С начальником надо будет поговорить. Может какую-нибудь другую работу даст. Чтобы с утра четыре часа работать, а во вторую смену в школу. Старшие классы во вторую смену учатся. А в восьмом классе в этом году учеников будет мало. Многие, окончив семь классов, поступили в ПТУ; ребята практически все пристроились. Так что, если родители отпустят, в восьмой класс одни девчонки пойдут. Буду среди них петушиться."

Антон притушил самокрутку и откинулся на мягкую траву, направив свой взор на лениво плывущие по небу облака, выискивая в них очертания разных фигур.

– Что? Надоело на побегушках быть? – спросил начальник, как только Антон заикнулся о переводе на другую работу.

– Да. Несерьезно это как-то.

– Не знаю даже, что тебе можно предложить. Было бы тебе шестнадцать лет, тогда другое дело. А тебе по возрасту всего четыре часа работать положено, – начальник задумался, походил по кабинету. – Может маркировщиком бревен на нижний склад тебя оформить? Там никто от тебя не зави-

сит, и твой режим работы никому мешать не будет. Правда работа ответственная. Справишься ли?

– Справлюсь. Долотом и молотком работать умею.

– Ну, давай, пиши заявление.

Глава 2

Маргарита была ребенком поздним, а потому желанным, для сорокалетнего отца и матери, которой было глубоко за тридцать. Родители в ней души не чаяли. Чего не скажешь об одноклассниках. Внешность у неё, нельзя сказать, чтобы была уродливой, но и привлекательной не назвать. Тонкие полоски губ терялись на округлом лице, а узкие широко расставленные глаза, со стороны казались раскосыми. Нет, она не была косоглазой, но прозвище "косатка" прилепилось к ней со второго класса. Ещё один недостаток, причиняющий ей массу неприятностей – это кривые ноги. Довольно часто, при виде проходившей мимо Маргариты, мальчишки декламировали: " Плохо мамка пеленала – кривоногим вырос я... "

Всё это злило девчонку, и частенько она возвращалась из школы домой зареванная.

– Доченька, да это они тебе завидуют, вот и дразнятся.

– Чему завидуют?

– У тебя фартучек кружевной самый красивый, туфельки на каблукках, пальтишко не магазинное, а в ателье заказанное. Вот одноклассники и завидуют.

– Да вон, у Ленки Стефаненко тоже одежда красивая, но

её никто не дразнит. От ухажеров у неё отбоя нет, а на меня никто из мальчишек даже не смотрит.

– Не бери в голову. И у твоих ног ещё штабелями лежать будут. А я завтра в школу схожу. С классной руководительницей поговорю, чтобы она приструнила обидчиков.

– Может не надо?

– Надо, доченька! Надо!

Классный руководитель – учительница математики через день оставила класс после уроков и долго говорила об уважительном отношении людей друг к другу:

– Не надо акцентировать внимание на физические недостатки одноклассников. Вот пройдет подростковый возраст Маргариты, и увидите какой она станет красавицей. Те, кто сегодня насмежаются над ней, завтра бегать за ней будут.

– Бегать и спотыкаться будем.. – съязвил острый на язык Борька.

– Горшков, не паясничай! А ты, Маргарита, если они будут обижать, говори мне. Родителей их буду вызывать в школу.

Насмешки и издевки после этой беседы на несколько дней прекратились, а потом снова начали набирать обороты. Маргарита жаловалась классной и родителям, но это окончательно оттолкнуло её от сверстников.

И вот в один прекрасный день, девчонка решила в корне изменить тактику поведения: "Все жаловаться больше не

буду, а своими делами докажу, что я лучшая!" Она налегла на учебники и вырвалась в отличники, а из пай-девочки превратилась в сорванца, готового на любые подвиги и поступки. На физкультуре, во время игры в волейбол, удивляла всех своей прыгучестью, а поданные ей крученые мячи редко кому удавалось взять. Ребята признали её за свою, а когда летом она вместе со всеми без страха лезла в чужие огороды за яблоками и грушами, авторитет её заметно вырос.

Постепенно Маргарита выбилась в лидеры своей гопкомпании. Но в сердечных делах успехов не появлялось. Одним словом, стала Маргарита своим парнем в мальчишеской группировке. И это состояние лидера очень нравилось ей. Она нередко возвращалась домой с синяками и ссадинами на локтях и коленях. На вопросы родителей отвечала, что играли в чехарду и всей кучей малой упали на камни или придумывала ещё какую-нибудь небылицу.

– Может все-таки, доченька, тебя кто-то обидел?

– Что? Я сама любого обижу! Прошли те времена, когда меня обижали.

Хотя, конечно, обижали. Нет-нет, да кто-то из окружающих, когда она допускала какую-нибудь ляпу, сквозь зубы цедил:

– Ух, эта косоглазая кривоножка...

В эти моменты ей хотелось побежать кому-то пожаловаться. Но она перебарывала свою давнюю привычку и всем своим щупленьким тельцем наступала на обидчика, угрожала

дать в морду, если ещё раз услышит подобное.

– Да ладно тебе. Успокойся. Нечаянно вырвалось.

На этом конфликт разрешался.

Школьные годы пролетели. После торжественного вручения аттестатов зрелости многие одноклассницы, взявшись за руки с кавалерами, пошли в городской сад. Маргарита опять оказалась невостребованной. Девушка постояла в компании таких же, как она "бесхозных" одноклассников, позубоскалила вместе с ними по поводу: " Мы с Тamarой ходим парой..." и пошла по пыльной улице к своему дому.

Из распахнутого окна ближайшего дома вырывались грустные слова песни: "Все подружки по парам в тишине разбредились, только я в этот вечер засиделась одна..." Маргарита прибавила шагу, чтобы быстрее выйти из-под влияния песни. Внутри вспыхнула злоба на этих олухов, ничего не понимающих в таких, как она девушках. В сердцах, чуть ли не до крови закусила нижнюю губу и побежала.

Особого выбора, куда пойти учиться дальше у Маргариты не было. Родители ни в какую не хотели отпускать родимое чадо в большой город, а в их городке единственным заведением, в которое можно пойти учиться особе женского пола, было медицинское училище. Туда и отнесла она через несколько дней документы.

В медучилище в отличии от института, как известно, учи-

лись в основном девушки. На всю группу, ну от силы, один-два пацана. Через месяц-другой занятий они становились предметом обожания всех деревенских дурочек. У городских, скорее всего кроме Маргариты, были местные ухаже-ры. Вот деревенские, как мухи к меду липли к гордым своей значимостью однокурсникам.

Маргарита порой была готова убить, растерзать, растереть в порошок всех этих деревенских дурех, из-за которых нет доступа к объектам мужского полу. Для подростка, испившего эликсир верховодства, хоть и не в значительной группе сверстников, состояние изоляции было трагичным.

Попытки подмять под себя сплоченные ряды деревенских не давали результата. Они жили по своим нравственным устоям и хотя относились к городским благосклонно, но раболепства не допускали. Обстоятельства осложнялись ещё и тем, что их было большинство в группе, и их клановость была непоколебимой.

Если не получалось достичь лидерства бескровными методами, то нужно было найти другой путь. И Маргарита решила использовать известный ей метод доносов и оговоров. Во что бы то ни стало, надо выбиться в старосты группы и деревенские, привыкшие к чиновочитанию, попадут под её власть. А для этого надо скovyрнуть с должности старосты Наташку Круглову. Маргарита начала действовать: доносила куратору группы о любых промашках Наташки. То о том, что староста ругается матом; то о том, что она прикрывает не

совсем благовидные поступки одноклассников; то, что она не вовремя и не до всех доводит необходимую информацию.

Результата долго ждать не пришлось. В начале второго семестра Маргариту назначили старостой группы. Теперь надо было правильно воспользоваться, пусть небольшой, но все-таки властью. Постоянные придирки и наставления, казалось внешне, срабатывали, но не повышали её авторитета в группе. Одноклассники выполняли её указания, но внутреннее отчуждение постепенно перерастало в неприязнь и полное отчуждение. В её присутствии прекращались все откровенные разговоры, а мальчики вообще плевали на неё с высокой колокольни.

– Мама, ну почему так? – жаловалась, привыкшая во всем советоваться с матерью, Маргарита. – Я так стараюсь, а они все дальше от меня отворачиваются. Никто со мной дружить не хочет.

– Маргариточка, может потому, что ты хлыст в руках держишь? А с ними надо и кнутом, и пряником. Сама с ними будь добрее, постарайся жить их интересами. Не гнущись: где-то и подыграть, сделай видимость, что идешь у них на поводу. Тогда может, все и изменится. Стая любит себе подобных и не подпускает к себе инакомыслящих.

– Ой, мамочка, какая ты у меня мудрая! Воспользуюсь твоим советом. Вот только с чего начать им подыгрывать? Ну, да ладно, ориентируюсь.

– Попробуй! Попробуй! Авось и получится.

В начале занятий после летних каникул, мальчишки приволокли пакет вареных раков. Девчонки, как саранча, налетели на угощение, и вскоре только пальчики облизывали.

– Эй, девки! – обратилась к ним староста, – а давайте после занятий сегодня сами наловим раков и наедемся от пуза?

– Где это мы их наловим?

– В пруду. Я знаю место, где их можно руками из норок вытаскивать.

– Бреешь.

– Правда. Мы ещё в школе с пацанами по целому ведру собирали. Так идем после занятий?

– А почему бы и не пойти. Сходим, половим. Ну, а если разыгрываешь, то пеняй на себя.

– Честно. Натаскаем. Только одежонку похуже оденьте. Перепачкаемся, как хрюшки.

До конца занятий Маргариту не покидало волнение. А вдруг, там раков не будет. Хотя должны быть. Она всегда с пацанами их там из нор доставала. Надежды оправдались. До сумерек на берегу пруда слышался визг девчонок, чьи пальчики частенько сжимали раки своими клешнями. А потом раков варили в летней кухне в огороде родителей Маргариты. И только, когда стемнело, деревенские убежали в общагу. Их отношение к старосте заметно улучшилось. Маргарита не могла этого не заметить, и ломала голову над тем, чем бы ещё привлечь к себе внимание девчонок.

Глава 3

Антон частенько, когда в очередной раз, молоток соскальзывал с головки долота и бил по неуспевающей заживать костяшке указательного пальца, проклинал себя за то, что согласился пойти на эту каторжную работу. Поначалу все было хорошо. Теплыми сентябрьскими утрами он бежал на нижний склад и в течении двух-трех часов выбивал на торцах привезенных вчера бревен буквы и цифры, обозначающие принадлежность их к определенной категории и диаметру, затем летел домой, чтобы умыться, поесть, переодеться и неспешно топать в школу. На занятиях было все просто. Восьмой класс практически проходил то, что он изучал в седьмом классе. Новой программы для восьмиклассников не было. Так, что ему все давалось без труда – зубрить и голову ломать не надо было.

Особенно тяжело стало, когда метель за ночь наметала между штабелями бревен полуметровые сугробы. Проваливаясь в снег выше голенищ валенок, Антон без особого труда маркировал верхние не засыпанные снегом ряды бревен. А вот с нижними заснеженными рядами была морока. Добраться до них без того, чтобы не прокопать траншейку невозможно. Приходилось бежать в бытовку к мужикам, разгружающим лесовозы и формирующим штабеля бревен, и просить у них лопату. Пробив узкую траншейку вдоль штабеля, он в какой-то немислимой позе, уже не по горизонтали,

а вертикально выбивал цифры и буквы. Бить молотком по шляпке долота было ужасно неудобно. Иногда Антон промазывал и в очередной раз со всего маха бил по сжимающей долото руке. В злобе он швырял молоток и долото в снег, прыгал и тряс рукой, пока острая боль не отступала. Потом облизывал ссадину и снова натягивал брезентовые рукавицы, внутрь которых были заправлены связанные матерью шерстяные варежки, и опять продолжал работу.

После таких "подвигов" в школу идти не хотелось, но упрямо повторяя с десятков раз фразу: "взялся за гуж не говори, что не дюж", он брел на занятия. В такие дни просыпалась зависть к другу Пашке: "Сидит себе в тепле за партой или крутит гайки опять же в теплой мастерской, а тут, промерзший до костей с разбитыми в кровь костяшками пальцев, тащись два километра до школы. Эх, надо было вместе с Пашкой в училище идти. Через год получил бы удостоверение тракториста-машиниста широкого профиля и рассекал бы по полям на ДТэшке или "Беларусе".

Особенно чувство зависти обострялось, когда Пашка приезжал на каникулы и взахлеб рассказывал, как интересно в училище: преподаватели и мастера – спецы, все так доходчиво объясняют, что даже книжки читать не надо.

– Повезло же тебе, друган! Я вот тоже, что думаю: дотяну эту лямку до лета, сдам экзамены и поеду в техникум поступать. Специальность надо хорошую получать.

– А я ведь тебе говорил: "Поедем вместе в училище!" –

напомнил Пашка.

– Говорил, – согласился Антон. – Но я чего-то сдрейфил от мамкиной юбки отрываться. Зато теперь с каждым ударом молотка по своей руке клянусь себя за это.

– Ладно! Хватит ныть! Побежали в клуб, шары погоняем.

– Побежали. Только не на долго. Мне завтра с утра на работу.

В клубе, как всегда в воскресенье, было полно народу. Чтобы поиграть в бильярд, надо было занять очередь. И хорошо, если выиграешь, тогда можно еще две-три партии сыграть. А проиграл, вылетаешь из игры и следующей очереди не дождешься. Пашка играл хорошо, да и Антон поднаторел. Потому могли играть пока не попадетсЯ серьезный противник.

Домой шли неспешно. Поталкивались плечами и рассказывали истории из своей жизни.

– Знаешь, Антоха, у нас в училище раза два в месяц танцы устраивают.

– Чего, пацаны друг с другом танцуют?

– Нет. К нам на эти вечера приглашают десятиклассниц из соседней школы. Знаешь какие классные девчонки!

– Втюрился, небось, в какую-то?

– Нравится мне одна стройняшка. Худощавая, а сиськи, как у взрослой бабы. Танцует – зашибись!

– Ну, и как?

– Да никак. Не нравлюсь я ей, видимо. Надеюсь, что уло-

маю я ее все-таки.

– Уломаешь. Ты у нас парень видный. Только вот сопли с носа часто капают.

– Сейчас я тебе покажу сопли! – Пашка схватил друга за плечи.

– Ну ладно! Ладно! Я пошутил.

– А у тебя как? Не приглядел никого из наших?

– Да некогда мне! Вот закончу этот долбаный восьмой класс, поступлю в техникум, тогда и по бабам.

– А ты на очный или заочный поступать будешь? – поинтересовался Пашка.

– На заочный, наверное. Устроюсь на какую-нибудь работу в гараж. Зарплату буду получать. Без денег по бабам как-то неинтересно, – рассуждал Антон.

– Ну да, хоть пряник ей надо изредка купить.

Поговорили друзья. Разбежались. И так до следующего приезда Пашки. У Антона, конечно, были и другие друзья-товарищи, но Павел был самым близким из всех. О таких, обычно, говорят: "не разлей вода".

Глава 4

– Эй, Марго, привет! В грядках копаешься?

Маргарита оторвалась от сорняков и выпрямилась. У калитки стояла ее одноклассница Женька Власова, поступившая в Москве в медицинский институт. Подружками они в школе не были, но и не враждовали. Женька была куда сим-

патичнее, но характер имела замкнутый. Потому, видимо, парни к ней тоже не липли.

– Мама приболела немного. Давление у нее подскочило. Вот и приходится мне тут в грядках ковыряться. А ты, что на каникулы приехала?

– Да. Недельки две побуду у родителей, а потом опять в столицу.

– А, что так мало будешь?

– Обстоятельства. Давай вечером встретимся в парке. Обо всем поболтаем.

– Давай, в семь у каруселей.

Женька пришла на встречу в легком ситцевом платье, по подолу которого рассыпались крупные красные маки, и красивых бежевых туфлях с тонкими ремешками, оплетающими стопу и лодыжку. " Ишь, какая расфуфыренная! – Подумала Маргарита. – Раньше была серой мышкой, а теперь барышня на выданье."

– Пойдем в какой-нибудь закуток. А то тут детвора верещит, поговорить не дадут, – предложила Женька.

– Пошли к памятнику. Там всегда тихо.

Девчонки не спеша продефилировали к памятнику воинно-освободителю и уселись на свободную скамейку.

– Ну, Марго, рассказывай, как у тебя жизнь провинциальная протекает.

– Да не о чем, собственно, рассказывать. Живем, как и жили. Вот на третий курс в училище перешла. Это у тебя в

столице все бурлит. А в нашем болоте только лягушки квакают.

– Что, и на личном фронте никаких изменений?

– Да, что тут может измениться. На все училище десяток пацанов и тех деревенские захапали.

– Ой! А я, наверное, скоро замуж выйду.

– Да ты что?! Ну, рассказывай. Кто он?

– Студент. Москвич. На одном курсе учимся. Красавец парень.

– И как это ты сумела его захомутать?

Женька сделала лицо, вскинула вверх белокурую свою головку и самодовольно широко провела в сторону рукой с растопыренными пальцами:

– Да уж, пришлось потрудиться. Сначала я к нему и так, и эдак, а он смотреть на меня не хочет. Нет, конечно, смотрел, но как на всех однокурсниц. Женщины во мне явно не видел. Говорили, что у него зазноба на другом курсе.

– Ну, а дальше то что?

– Ой, Марго! А что дальше словами и не опишешь.

Девушка сделала многозначительную паузу, внимательно посмотрела на собеседницу, как бы прикидывая, можно ли быть с ней откровенной. Потом откинулась на спинку скамейки и неторопливо положила ногу на ногу.

– Ой, даже не знаю, как тебе все это передать?

– Ну, рассказывай, рассказывай! Хватит выпендриваться!

– Тогда слушай. В одно прекрасное воскресенье моя со-

седка уехала к родителям, они у нее живут в Долгопрудном, а я вышла на улицу подышать воздухом, в скверик у общаги. И надо же было такому случиться, что по какой-то надобности, то ли за учебником, то ли за конспектом, мой Толенька забежал в наше общежитие к однокурснице. В комнате ее не оказалось, и Толя вышел в сквер. Решил подождать. Тут то я его и начала обрабатывать. Правдами и неправдами затащила к себе в комнату. Потихоньку склонила его к любви... Ох, Марго, что я только не вытворяла. Такие пируэты с ним выделывала. После этого он так ко мне вспылал, что никого, кроме меня, и видеть не хочет. А я, то его отодвину от себя немножечко, то опять за поводок потяну. Когда я его от себя понарошку отталкиваю, он умоляет меня, клянется, что я единственная на свете, способная приносить ему столько удовольствия. И правда, увивается вокруг меня. Трактором не оттянешь. И вот, буквально две недели назад, позвал меня замуж. Вот так-то, Марго.

– Ой, Женя, какая ты молодчина! А тут, хоть пропади.

– А ты не будь душой. Вот будет у вас на следующем курсе практика в больнице. Наверняка туда пришлют и ребят из института. Не теряйся! Лови момент.

– А как его поймашь? Я ведь в этих делах совсем не опытная. У меня еще никого не было. Да и ты, насколько я осведомлена, в близких отношениях с ребятами не была. И как это у тебя получилось Толика так ублажить, что он кроме тебя никого не желает?

– Знаешь, Марго, сама до сих пор не пойму. Ведь до него я девочкой была. От девчонок наслушалась о блаженстве в близости, книжки разные греховные начала читать. А тут еще, как-то зачитанная до дыр "Катамастра" в руки попала. Позы с соседкой по комнате репетировали. И такое желание во мне накопилось, что его надо было выплеснуть. Вот я с Толиком его и выплеснула. Даже никакой боли не почувствовала. Так несколько капель крови на простыне потом обнаружили и все. А теперь, при близости с моим милым стараюсь марку держать.

– Отчаянная ты, Женька. У меня так, наверно, никогда не получится.

– Получится, ты только не робей и будь пораскрепощенней. А хочешь, приходи завтра днем ко мне. Родителей дома не будет. Я тебя кое-чему научу.

– Хорошо, зайду, – решила Маргарита и не пожалела.

Занятия с Женькой так разгорячили ее, что она была готова отдаться любому. И он стал бы желанным и милым. Жаль, что подходящего объекта рядом не было. А когда он появится, как без подружки себя в такое состояние привести?

– Ну как, Марго, курс молодого бойца? Воспылала страстью? – Поинтересовалась Женья.

– Умопомрачительно! Я вообще вся горю.

– Вот видишь. Любовная страсть в любой женщине есть. Ее надо только разбудить и выпестовать. А главное, чтобы

желанный мужичок оказался рядом.

– С этим пока полный облом.

– Я же тебе говорила. На практику в больницу пришлют студентов. Выбирай себе объект и действуй!

Маргарита шла домой под впечатлениями от уроков подруги (ей казалось, что Женька теперь стала настоящей подругой), и в каждом встречном мужчине пыталась найти тот желанный объект, с которым можно бы слиться в едином любовном порыве.

Глава 5

В начале учебного года куратор группы подробно рассказывала о программе обучения на третьем, самом ответственном курсе:

– От вашего отношения к теоретическим и практическим занятиям будет зависеть какими специалистами вы выйдете из училища.

– Марья Васильевна, расскажите подробнее, как будет проходить производственная практика в этом году, – попросила Маргарита.

– В первом семестре будет каждую неделю однодневная практика в районной больнице. Будете наблюдать за работой опытных медсестер. Выполнять их поручения по уходу за больными и под их контролем ставить уколы, накладывать повязки. А вот, во втором семестре будет уже настоящая

двухмесячная практическая работа. Конечно, под контролем опытных медсестер вы будете выполнять все их функции. Одним словом, два месяца будете ходить на работу в больницу. От отзыва руководителя практики будут зависеть ваши оценки на государственных экзаменах по профильным дисциплинам.

– Спасибо, Марья Васильевна! Все понятно, – радостно загомонили учащиеся.

Первый семестр прошел в ожидании чего-то большого и значимого. Маргарита надеялась, что за два месяца практики в больнице она найдет желанный объект своих ночных мечтаний и воплотит их в реальность.

На долгожданную практику группу рассовали по близлежащим селам и поселкам, где были стационарные больницы. В городскую же больницу попали всего пятеро, в том числе, конечно, и Маргарита. Староста все-таки. Практикантов распределили по разным отделениям больницы. Маргарите досталась травматология. Ох уж эти лежачие, ползающие по коридору на четвереньках и прыгающие на костылях пациенты. Мороки с ними столько, что нянечки и санитарки не управляют. Вот и приходится практикантке и судна выносить, и постели вонючие перестилать. Она же о другом мечтала, что будет в белом халатике ходить по палатам, раздавать таблеточки, ставить укольчики, а в свободное время завлекать молодых студентов, будущих докторов.

Студентиков-практикантов на все отделение было всего

два. На одного без тоски не глянешь. Ходит хромая, волочит левую ногу. В детстве с ним травма случилась. Он долго валялся по больницам и тогда решил стать травматологом, чтобы ставить на ноги, таких, как и он, бедолаг.

Второй был малый симпатичный, но себе на уме, да и ловелас, как видно, знатный. Со всем персоналом заигрывает, да и молоденьких пациенток, со сломанным пальчиком на руке, всегда приголубить готов. На Маргариту он тоже глаз положил. Вот если бы он положил глаз на нее одну – тогда дерзай Марго. Но такой, женишок, который всех подряд готов, как кур щупать, не для нее. Ей принц нужен.

Принца не было. А желание окунуться с головой в сладостные греховные деяния все росло и росло. "Может плюнуть на то, что он волочится за каждой юбкой. Использовать опыт Женьки. Выплеснуть на него всю свою накопившуюся страсть и сделать так, что ему больше ни на кого смотреть не захочется?" – Думала Маргарита, глядя вслед шагающему самоуверенному самцу. Конечно же он самец, притом, видимо, неутомимый кобель за каждую юбку цепляется. – "А что, попробовать? Рискнуть? Решено!"

– Юра! А как ты смотришь, если после работы сегодня в кино сходить?

– Ты знаешь, Маргарита, сегодня я, наверно, не смогу. У меня уже встреча назначена. Завтра с удовольствием. Так, что готовься, – процедил сквозь зубы потенциальный объект обожания.

Маргариту это обидело. Но она решила не отступать. Заодно и проследить за студентиком, с кем это у него сегодня встреча. Поэтому, после работы она незаметно пошла за ним, отставая на полсотни шагов. Юра направлялся явно не в парк или кинотеатр, а шел в частный сектор, где квартировал. Когда же он вошел в калитку к бабе Вере, то стало понятно, что никакого свидания у него не было, а только бравада, для повышения своего имиджа парня нарасхват.

На следующий день в конце смены Маргарита решила напомнить о себе:

– Ну так что, Юрик, идем сегодня в кино?

– Сударыня, прошу меня извинить, но сегодня я очень, очень занят. Придется отменить поход в кино. Возможно, завтра карты лягут в твою пользу.

– Трепло! – девушка явно разозлилась и, махнув рукой удалилась. После работы она снова проследила за объектом. История повторилась. Он снова скрылся за калиткой бабы Веры.

" Да он просто трус, а не женский угодник, – рассердилась Маргарита. – Со всеми заигрывает, а как до дела, так в кусты."

На следующий день она стала невольной слушательницей разговора двух молодых медсестер из хирургического отделения:

– Маша, у тебя уже было свидание с Юриком из травмы?

– Какое свидание! Он просто пустобрех, и женщин, как

атомной войны боится. Стоит ему что-то конкретное предложить, так он сразу в кусты.

– Ой! А таким разудалым ловеласом себя изображает...

– Зайчик, он обыкновенный! Я у Галки спрашивала. С ней он тоже вел себя таким образом.

В голове у Маргариты все встало на свое место. Это не объект обожания, а пустышка. Время на него тратить не стоит. Надо переключаться на другого. А на кого? Подходящих объектов в поле зрения нет.

Случай подвернулся сам собой. Только она заступила на ночную смену с Валентиной Матвеевной, как ту позвали к телефону. Вернулась старшая медсестра быстро и заметно побледневшая:

– Маргарита, я пойду у дежурного врача отпрошусь домой. Там у дочки, что-то случилось. Ты уж тут сегодня одна управляйся. Дежурит сегодня Андрей Степанович. Он молодой, энергичный. Если что, поможет.

Старшая медсестра ушла. Маргарита посидела на посту, выжидая время начала поздних вечерних процедур. Потом в процедурке по назначениям врачей нагрузила тележку шприцами, ампулами, повязками и покатила ее по палатам. Заходя в каждую палату, она громко здоровалась, чтобы задремавшие проснулись и, как опытная медсестра давала команду:

– Готовим, желающие исцелиться, ваши израненные мягкие места!

– Ты уж, доченька, понежней, понежней иголочку-то втыкай, – раздавалось в ответ.

Пока прошлась по всем палатам, время подошло к отбою. После отбоя дежурный врач вместе с медсестрой всегда делал обход палат, проверяя соблюдение режима. Так было и на сей раз. Андрей Степанович подошел к сестринскому посту и тронул за плечо, записывающую что-то в журнал Маргариту.

– Красавица, вы долго еще мараТЬ бумагу будете?

– Заканчиваю, Андрей Степанович. А что?

– Обход будем делать.

– Одну минуточку. И я буду готова.

– Готова, это хорошо.

Они вместе прошли по палатам. Убедились, что свет везде выключен и все больные находятся на своих местах, после чего остановились у столика медсестры в коридоре. Андрею Степановичу впервые выпало остаться на ночь с Маргаритой. Да еще вдвоем без лишних глаз. Наблюдая за практикантками, он легко мог вычислять похотливых девочек и без особого труда склонял их к близости. Он полагал, что и Марго относится к этой категории. Уж очень явно просматривалось в ее поведении нескрываемое желание к близости.

– Маргариточка! Закончишь тут со своими делами зайди в ординаторскую.

– Хорошо, Андрей Степанович.

Девушка обратила внимание, что доктор назвал ее Мар-

гариточкой, а буквально перед обходом еще и красавицей. Значит, у него есть к ней какие-то чувства. А что, мужчина он молодой. Лет двадцати пяти – двадцати шести, не больше. Симпатичный очень. И не заносчивый. Вдруг это и есть то, что ей нужно.

Быстро разложив по историям болезней назначения врачей, которые она брала в процедурную для подготовки инъекций и раздачи таблеток, она встала из-за столика, томно потянулась, поправила прическу и направилась в ординаторскую.

Доктор сидел, откинувшись на спинку огромного кожаного дивана, который днем служил местом отдыха еле стоящих на ногах после операций врачей, а ночью был спальным местом дежурного травматолога.

– Присаживайся, Маргариточка. Отдохни от трудов праведных.

– Да я, вроде, еще и устать не успела.

– Садись рядышком, поговорим.

Девушка села на диван чуть поодаль.

– Ну что ты, как не родная. Подвигайся поближе, – сказал доктор и, обняв девушку за талию, подтянул к себе.

– Какая ты красивая, Маргарита. А глаза! Глаза, как омут – утонуть в них можно.

Маргарита зарделась. По телу пробежала легкая дрожь. Доктор взял ее руку и положил на свое причинное место. Она не убрала руку, почувствовав твердое внушительных

размеров мужское достоинство. Мужчина погладил девушку по волосам, медленно провел рукой по спине от шеи до ягодиц и почувствовал, как играют в судорогах ее мышцы. Он прижал ее к себе и нежно поцеловал в шею, потом взял за талию и поставил коленями на диван.

Маргарита задрожала всем телом и вспыхнула жарким пламенем. Она не сопротивлялась и только, когда партнер резким движением превратил ее в женщину, вскрикнула и попыталась вывернуться. Сильные мужские руки удержали ее и ритмичные движения продолжались, вскоре девушка почувствовала, как приятная истома наполняет ее тело. Выплеснув в только, что порушенное девичье лоно свою живительную влагу, Андрей Степанович отстранился, достал из ящика стола стерильные салфетки. Одной протер себя, а второй провел по промежности девушки. Завернул покрасневшие салфетки в клочок валяющейся на столе газеты и передал сверток Маргарите:

– Выбросишь потом в мусорное ведро в туалете.

Девушка уставилась на мужчину ничего не понимающим взглядом. С ее лица постепенно сходил багрянец. Щеки приобретали естественный цвет.

– Андрей Степанович, а что же дальше?

– А что, дальше? Ничего. Отдохни немного и ступай на свое рабочее место.

На посту Маргарита уронила голову на стол. Как же все так вышло? Разве о таком она мечтала? Видимо не сумела

она воспользоваться советами Женьки. Да и как тут можно было ими воспользоваться, когда он взял и поставил ее в удобное для него положение и сделал привычное для себя дело. И все равно, ей было приятно. Она получила, пусть не такое несказанное, как Женька, но все-таки удовольствие.

До конца практики Маргарита еще пару раз поимела близость с доктором. Происходило это уже по-другому. Она проявляла инициативу и получала гораздо большее удовольствие. Она не кляла себя. Ну, случилось то, что должно было случиться. Зато она теперь знала, что это такое, и могла вести себя с молодыми людьми более раскрепощенно. Хотя, с какими молодыми людьми? Их по прежнему не просматривалось даже на горизонте.

Глава 6

– Пашка, ну как у тебя дела со стройняшкой? – спросил Антон в очередной приезд друга домой. – Захомутал?

– Нет. Слишком гордая. Ни в какую не захотела со мной встречаться. Зато у меня теперь с другой настоящая взрослая любовь закружилась.

– А ну, рассказывай!

– Проходил я как-то в ноябре в военкомате комиссию. Пожаловался окулисту, что у меня на ветру глаза сильно слезятся. Меня направили на лечение в больницу. А какое лечение? Закапают раз пять в день из пипетки в глаза – вот и все лечение. Палата была большая. Мужиков восемь или девять

лежало. Скукотища несусветная. Лежим как-то вечером все по своим койкам. Все молчат, кто книги, кто газеты читают. Тоска зеленая. Я лежал, лежал, глядя в потолок и начал петь "Катюшу". Сначала пел тихо, а потом все набирал и набирал обороты и, не допев до конца песню замолк.

– Эй, кто там радио выключил? Включите! Песню хорошую дайте дослушать, – заорал от дальней стены мужик.

– Окстись, Кондратич! У нас в палате и радио – то нет. Это вон пацан, Пашка, пел.

– Пашка, это ты пел?

– Ну, да.

– Хорошо поешь. Спой еще что-нибудь.

Вот я и решил мужикам концерт устроить. Облокотился на грядущку кровати. Спел одну, вторую песню, вошел в раж и не заметил, что в дверях молодая медсестра стоит, слушает. Когда я закончил петь, сестричка подошла ко мне и положила на плечо руку:

– Молодец, Паша! Хорошо поешь. Бальзам вылил на душу, – сказала она и вышла из палаты.

– Ну, и где тут любовь?

– Дальше слушай. В субботу после обеда она позвала меня в процедурку.

– Паша, завтра воскресенье. Процедур никаких не будет, да и врачей тоже. Пойдем ко мне домой, переночуешь, а завтра к вечеру в больницу вернешься, я в ночь дежурю.

– Как это, я пойду? – говорю ей. – В пижаме и тапочках,

что ли?

– Я одежду твою сейчас принесу. Переоденешься и пойдешь. Я тут рядом живу.

– Страшно чего-то. А вдруг ты меня куда-нибудь заведешь?

– Ну, что ты. глупенький. Пойдем! Хоть борща настоящего похлебаешь.

– Ну ладно, неси одежду.

Зина, так звали медсестру, жила, примерно, в полукилометре от больницы. Несмотря на довольно сильный морозец, Пашка даже не успел продрогнуть в своем тонком суконном бушлате.

У небольшого аккуратненького домика Зина остановилась у калитки, просунула руку между досками. Лязгнула щеколда, и они оказались в маленьком дворике, в котором у забора с соседями в ряд возвышались три дерева, а вдоль тропинки к крыльцу из-под снежных шапок выглядывали какие-то раскидистые кусты. Зина достала из сумки с большими металлическими застежками ключ и открыла входную дверь:

– Заходи, Павлик, не стесняйся.

Пашка оторопел. Его даже в далеком детстве никто не называл Павликом. Разве что "Пашок пойдешь сядем на горшок". А тут Павлик. На душе стало тревожно. К чему бы такие нежности?

Зина пропустила паренька вперед, вошла сама и закрыла

дверь. Щелкнул выключатель и небольшой коридорчик озарился ярким светом. Девушка открыла ключом еще одну более тяжелую дверь из толстых досок. Пашка в сумеречном свете увидел довольно просторную для маленького домика комнату.

– Проходи, Павлик, раздевайся. Бушлатик вот на этот крючок вешай, – показала хозяйка на стену слева от двери. На следующий крючок она повесила свое выдавшее виды коричневое пальто на вате, сбросила с головы серую шерстяную шаль, тряхнула головой. Русые довольно длинные волосы волной расплескались по плечам.

– Прохладненько тут у меня. Ничего, сейчас печку затоплю, быстро нагреется. А ты, миленький, скидай ботинки и проходи садись на диван.

Пашка стащил с ног ФЗУшные из толстой кожи ботинки и долго выбирал место, куда бы их пристроить.

– Чего замешкался? Вон на полочку ставь свои ботинки и садись. Сейчас я печку растоплю и сяду рядышком. Печка растопится – еду согрею. У меня борщ и котлетки есть.

Пашка сел на мягкий диван и наблюдал, как хозяйка хлопчет у голландки. В больнице он как-то не обращал внимания на персонал. Ну, снуют туда-сюда мужчины и женщины в белых халатах. То стойки для капельниц таскают, то какие-то коробки, то тележки с лекарствами катают. А теперь, глядя на хлопчущую у печки Зинаиду, он обнаружил, что у нее была привлекательная фигура. Не очень большие, но

и не маленькие груди просматривались под домашним халатиком. Пашка даже не заметил, когда она успела переодеться в домашнее.

Растопка в печке разгорелась и высветила красивое лицо Зины. Небольшой прямой носик гармонировал со слегка пухленькими губами, мягко закругленный подбородок переходил в тонкую длинную шею. Отблески огня озаряли ее лицо и превращали его в сказочное. Такими рисовали царевен в книжках.

Зинаида подложила в печку несколько поленьев и мягко, как кошка, примостилась на диван рядом с Пашкой. Она приобняла его одной рукой и опустила свою голову ему на плечо, свободной рукой взяла его руку и положила к себе на бедро:

– Паша, а спой мне песню какую-нибудь про любовь.

– Что я, артист, что ли?

– Ну спой! Мне нравится, как ты поешь. Хочешь, я тебя поцелую, а ты мне споешь? – спросила она и, не дожидаясь ответа, взяла руками его голову, повернула к своему лицу и страстными губами захватила его губы. Поцелуй был долгим. На одно мгновение она отстранилась от Пашки, видимо, чтобы набрать в легкие воздух, и снова впиалась сладким поцелуем в его губы.

Сердце парнишки забилось, пытаясь вырваться из груди, голова закружилась и весь он загорелся алым заревом. До этого момента его никто не целовал даже в щеку. А тут та-

кие поцелуи! Он сходил с ума. Страстное желание пронизало все тело. Пашка просунул руку между пуговицами халатика и начал гладить и пожимать упругие груди девушки. Он почувствовал, как сосочки ее налились и стали твердыми. Почему-то ему в голову пришло совершенно нелепое сравнение "как бобы". Зина не прекращая поцелуи, притянула гостя к себе, и он, интуитивно понял, надо что-то делать. Вернее делать то, что еще полчаса назад ему не могло прийти в голову.

Девушка поднялась с дивана и потянула его за собой. Прижалась своим дрожащим телом к нему, парень обнял ее, и мелкими шажочками они стали продвигаться к двери в перегородке. Каким-то незаметным для Пашки движением ноги, Зина открыла дверь, и они оказались в крохотной спальне, все пространство которой занимала широкая металлическая кровать, застеленная ковриком с белоснежными лебедями в пруду.

Девушка помогла ничего не соображающему гостю снять одежду, выскользнула из халатика, под которым оказалось голое тело, сдернула на пол коврик с лебедями и они утонули в мягкой пуховой перине...

Тепло от печки уже разошлось по всему помещению, когда молодые люди оторвались друг от друга и долго еще лежали в сладостной истоме. Потом Зина поцеловала несколько раз Пашку в губы, щеки и опять в губы, встала с кровати и накинула на себя халат:

– Павлик, ты полежи, пока я еду разогрею.

Пашка хотел было что-то ответить, но не смог. У него не было сил даже пошевелить языком. Только в мозгу крутилась одна и та же фраза: "Как хорошо! Как хорошо!"

– Ну все, хватит нежиться. Вставай! – позвала Зина. – Пора ужинать, сил набираться.

Антон слушал Пашку с выпученными глазами. Впитывал все рассказанное другом, как губка, иногда пытаюсь переложить события на себя:

– Ух ты! Вот это да. И это все на самом деле так было?

– Конечно, на самом деле. Вот только зря я, наверное, тебе все это рассказал. О таком, обычно, не болтают.

– Пашка, Ты чё? Я же твой друг. А другу все рассказывать можно. Вот когда у меня такое случится, я все тебе расскажу. А дальше то что?

– Что, что! Да ничто. Поужинали мы, посидели немножко. Рассказали о себе и легли спать. Пообнимались, и снова занялись делами. Потом, как убитые, спали до полудня, а вечером вернулись в больницу.

Пашка тихонько прошмыгнул в палату, стараясь быть незамеченным. Но где там. Мужики заерзали на своих кроватях.

– Ну как, женишок, живой вернулся?

– А что, я на жмурика похож?

– Нет. Наоборот сияешь, как медный самовар. Сладко, наверно, время провел?

– Кондратич, что ты к пацану пристал? Я бы с такой красавицей тоже с удовольствием время провел. Да, видимо, мордой не вышел. А Пашка не из робких. Молодец!

Пашка больше в разговор не вступал. Мужики еще немного позубоскалили потом, покряхтывая, начали вставать с кроватей и гуськом потянулись в процедурку за уколами.

– Жених, а ты чего лежишь, думаешь твои глазные капли в постель доставят? – сказал последний вернувшийся в палату мужик. – Иди, Зинаида тебя ждет.

Пашка нехотя встал и поплелся в процедурку. Он еще никак не мог осознать того, что произошло между ним и Зиной. Какое-то чувство внутренней неловкости сковывало его.

Медсестра, как ни в чем не бывало, усадила его на кушетку, закапала в глаза какую-то жгучую жидкость.

– Павлик, тебя в среду выпишут. Вот тебе мой график работы. Когда я буду днем дома, забегай ко мне.

– Ладно.

– Не ладно. А заходи обязательно. Не стесняйся. Мил ты мне, мой мальчик.

Пашка не был опытным любовником. Это произошло с ним впервые, потому ему не с чем было сравнивать. Для него все произошедшее стало чем-то не земным, божественно прекрасным, и далеко не таким прозаичным, как об этом

рассказывали подвыпившие деревенские мужики после посещения какой-либо гулящей бабенки.

В его душе перемешалось все: и чувство неловкости с элементами стыда, и чувство неугасимого огня сжигающего его изнутри и заставляющего пылать девушку, которая не стонала, не кричала, но сделала все, чтобы принять его всего целиком, растворить в глубинах своего прекрасного тела.

Это состояние глубоко засело в его душе, и предложение Зинаиды заходить к ней подхватило его и понесло невесомо, как на крыльях.

Глава 7

Пашка с чрезмерной робостью, спустя неделю после выписки, навестил Зинаиду. Встреча была желанной. Они сидели на диване и любовались друг другом. Женщина периодически притягивала паренька к своей груди и гладила его волосы. Вскоре Пашкина робость прошла и он, в ответ гладил спину и бедра возлюбленной. Он не сомневался, что горячо всем своим сердцем полюбил эту молодую красивую девушку. Она была постоянно в его мыслях. Он готов был все время проводить рядом с ней. Но ей надо было идти на работу, а ему на учебу и, выйдя из теплого уютного гнездышка, они расходились в разные стороны.

Время было скоротечно. Нагрянула весна. Звонкими ручьями снег скатился по оврагам и ложбинам в освободившуюся ото льда реку. Все вокруг задышало, заиграло но-

выми красками. Вместе с природой обновлялись и чувства влюбленных. Пашке хотелось быть рядом с Зинаидой каждый день, но увы. Судьба, а вернее учебная программа, задала другое направление. В конце апреля Пашку, как и всех учащихся отправили по совхозам и колхозам на последнюю перед выпуском практику. Даже, находясь в родных пенатах, Пашка не радовался встрече с друзьями, родителями, братьями. Вся его сущность была прикована к одной единственной, которая осталась за сотню километров.

С великим трудом, дождавшись окончания практики, он помчался, как на крыльях, навстречу своему счастью. Но счастье было недолгим.

К середине июня, сдав все экзамены и получив удостоверение трактористов-машинистов широкого профиля, все птенцы училища должны были разлететься по своим родным деревням и селам. Основная масса выпускников отправлялась на свою малую родину с великой радостью. И только Пашка Соколов был чернее тучи.

"А что, если нам пожениться с Зиной? Ведь мне через месяц восемнадцать исполнится." - подумал молодой человек и удивился тому, что эта мысль пришла к нему только сейчас. Мысль эта не приходила к нему в голову только потому, что они были рядом и могли, чуть ли не через день, отдавать себя целиком друг другу. Предстоящее расставание было катастрофой, возможно, потерей друг друга навсегда. Пашка не хотел этого. Он уже настолько свыкся с тем, что его любимая

и желанная была рядом. А теперь уехать – значит потерять ее. Нет, он этого не допустит. Сегодня же предложит ей руку и сердце...

– Павлик, родненький! Ни о какой женитьбе и речи быть не может.

– Это почему?

– А потому что!

– Почему "Потому что"?

Зинаида прижала его к себе, поцеловала несколько раз в губы, щеки, лоб, встала с дивана, села за стол, подперла голову руками и долго разглядывала посеревшее, казалось, даже слегка осунувшееся лицо своего возлюбленного. Она оторвала голову от ладоней и тихо чуть ли не шепотом начала говорить:

– Потому, Павлик, что я тебя старше на семь лет. Это во-первых.

– Ну и что?

– Помолчи! Не перебивай меня! – уже более громко продолжила женщина. – Во-вторых: я уже была замужем. Мы со своим Сереженькой поженились сразу же после школьной скамьи. Я поступила в медучилище, а он пошел работать в леспромхоз. Счастливы были и беззаботны, пока Сереженьку не забрали в армию. А через год он погиб на Дамасском. Одному богу известно, как я после этого выжила. И руки на себя наложить хотелось. Проклинала себя, что из-за этой

учебы, предостерегалась, чтобы не забеременеть. Забеременела бы, родила от него кровиночку. И была бы память на всю мою оставшуюся жизнь о моем любимом. А что теперь? Десяток фотографий в альбоме...

Зинаида замолчала. Пашке хотелось встать, подойти к ней и обнять. Но он этого не сделал. Он каким-то девятым или десятым чувством понял, что нельзя в этот момент врываться в ее мир, нарушать воспоминания о другом, но очень любимом ею человеке.

– Ох, Павлик! Два года ходила я чернее тучи, с невероятным трудом закончила училище. Потом работа, новые заботы и добрые люди рядом со мной. Отходить стала понемногу. Нет не потому, что стала Сереженьку забывать. Я его никогда не забуду. Просто осознание того, что надо дальше жить, заставило выйти из оцепенения.

Пашка шмыгнул носом. Зина вскинула голову: уж не плачет ли? Нет, он не плакал. Просто сидел грустный – грустный, отрешенный от всего. Могло показаться, что он не слышал того, что говорила его возлюбленная. Но он слышал все. И каждое ее слово тяжелой гирей ложилось ему на сердце.

– А потом, я услышала, как ты поешь. Сереженька тоже очень любил петь. Сначала мне показалось, что это он поет, и я пришла на звук песни, стояла в дверном проеме и слушала. Не знаю, что случилось со мной, но мне вдруг захотелось обнять тебя, приголубить. И я решила позвать тебя к себе.

Зина опять замолчала. Встала из-за стола, походила по

комнате, потом, присев на другом краю дивана, продолжила:

– Нет! Нет! Я не жалею, что стала с тобой близкой. За эти полгода я приросла к тебе. И, возможно, если бы ты был постарше, я бы согласилась выйти за тебя замуж.

– Так все дело в моем возрасте? Значит, не дорос я до тебя?

– Не в этом дело, Павлуша. Через полгода или год, тебя заберут в армию. И не дай бог, если что-то случится. Второго такого удара судьбы я не переживу. А так, мы расстанемся с тобой и будем жить счастливыми воспоминаниями. Ведь тебе было хорошо со мной?

– Еще и как!

– Вот и мне с тобой было хорошо, я была счастлива! Твоя нежность и страсть разбудили во мне чувства. Я поняла, что могу быть желанной. Так-то вот оно, Павлик. Не расстраивайся и не сердись на меня. Хорошо?

– Даже не знаю, как я буду жить без тебя.

– А ты просто живи воспоминаниями о счастливых часах, проведенных со мной. И, знаешь, будешь в наших краях, заглядывай ко мне, если я, конечно, не выйду замуж.

– Значит, замуж все-таки собираешься. Но только не за меня.

– Глупенький! Я же тебе объяснила почему не могу выйти за тебя.

После этих слов, Зинаида резким движением подвинулась к Павлу, обняла его за шею и страстно поцеловала его, по-

целуи постепенно стали взаимными, и они не заметили, как снова оказались в крохотной спальне на широкой кровати, стараясь подарить друг другу, как можно больше счастья, и наслаждаясь каждым мгновением, отвоеванным у наступающей разлуки.

Глава 8

– Да как же это так, Маргариточка? За какие провинности они тебя в такую даль и глушь отправляют? Неужели не нашлось местечка в нашем городе? Может мне к директору училища сходить, поговорить с ним?

– Мама! Не надо никуда ходить! Ты же прекрасно знаешь, что не директор распределяет, а приходит разрядка из министерства. Вспомни, как ты попала в этот городок из областного центра? Направили после окончания строительного техникума. Твои родители, наверное, тоже охали и ахали.

– Так меня не в тьму тараканью, а в районный город все-таки направили.

– Да потому, что в тьме тараканьей строительных организаций нет!

– Вот-вот. А ты выбрала это училище – теперь и будешь горе мыкать в этом медпункте среди волков да медведей.

– Мама! Память у тебя короткая. Не ты ли говорила, что костями ляжешь, но не отпустишь меня от родимого крыльца.

– Ну, говорила. А ты, что не могла характер проявить.

Ослушаться!

– Не могла. Ведь только за год до моего окончания школы отец от нас ушел к другой. Не могла я тогда тебе перечить.

– Тогда не могла. А теперь, значит, уедешь черт знает куда. Оставишь меня одну тут куковать.

– Так уж и одну. Сойдешься со своим Дмитрием Васильевичем. Или, Димочкой. как ты его зовешь. И заживете. И я под ногами не буду путаться.

– Ну, это уж слишком! Не надо в мои личные дела вмешиваться.

– Не буду, мамочка! Не буду. Только и ты успокойся и не рыдай о нашей с тобой разлуке. Да у меня еще целый месяц до отъезда. Отдохнуть надо. С подружками нашушукаться.

– Много ли у тебя этих подружек!

– Много не много, а есть с кем посекретничать.

Мать обиженно поджала губы и удалилась в другую комнату.

Дня через два в городок заявила Женька-мужнина жена. Да не одна, а вместе со своим ненаглядным Толиком. Парень он, и правда, был видный. Не даром подружка сделала все, чтобы женить его на себе. вместе с ними приехал дружок Толика. Симпатичный малый. И, как сказала Женька, не женатый еще пока. В планах у Толика с другом было порыбачить по прудам и озерам. Если повезет, то рыбки засушить и навялить, чтобы было с чем пиво потягивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.